

Бродский Иосиф
Александрович

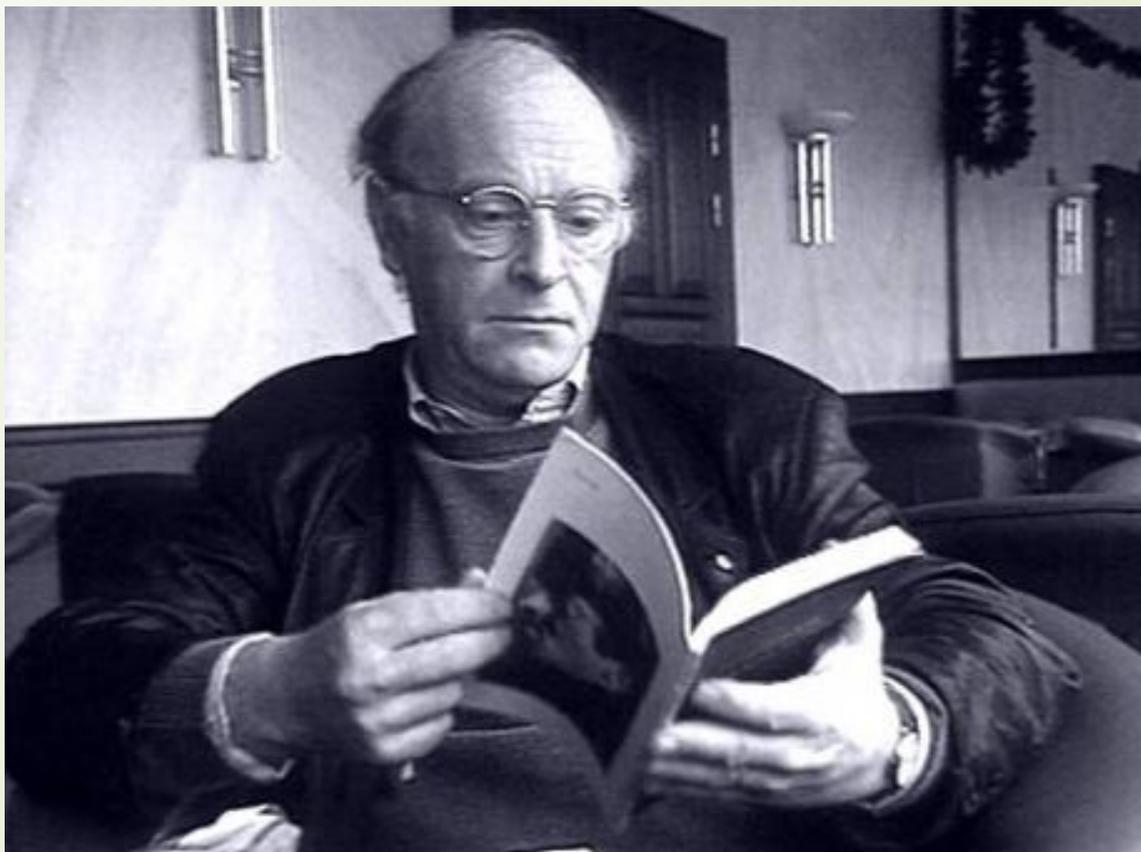
**(24.05.1940 –
28.01.1996)**

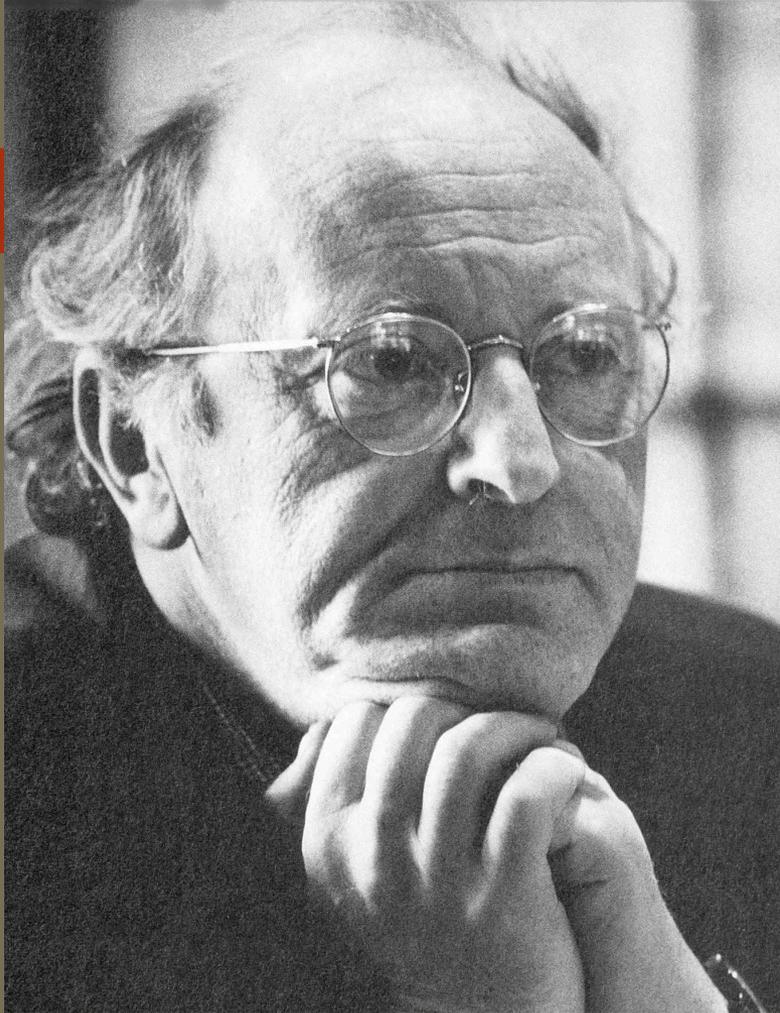
Выполнили:
Студентки 2 курса
Группа Г – 1
Ермоленко Неля
Луговская Валерия
Ненахова Диана
Романюк Екатерина
Титовская Анастасия

«Если искусство чему-то и учит, то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней – и наиболее буквальной – формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личность...»

Независимо от того, является человек писателем или читателем, задача его состоит в том, чтобы прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь. Ибо она у каждого из нас только одна, и мы хорошо знаем, чем все это кончается. Было бы досадно израсходовать этот единственный шанс на повторение чужой внешности и чужого опыта.

«Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, - последний, кто может позволить себе позабыть об этом. Подлинной опасностью для писателя является не только возможность (часто реальность) преследований со стороны государства, сколько возможность оказаться загнипнотизированным...»

«Красота спасет мир.

Нас спасёт поэзия»

Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно, считал Бродский. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо другого) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения.

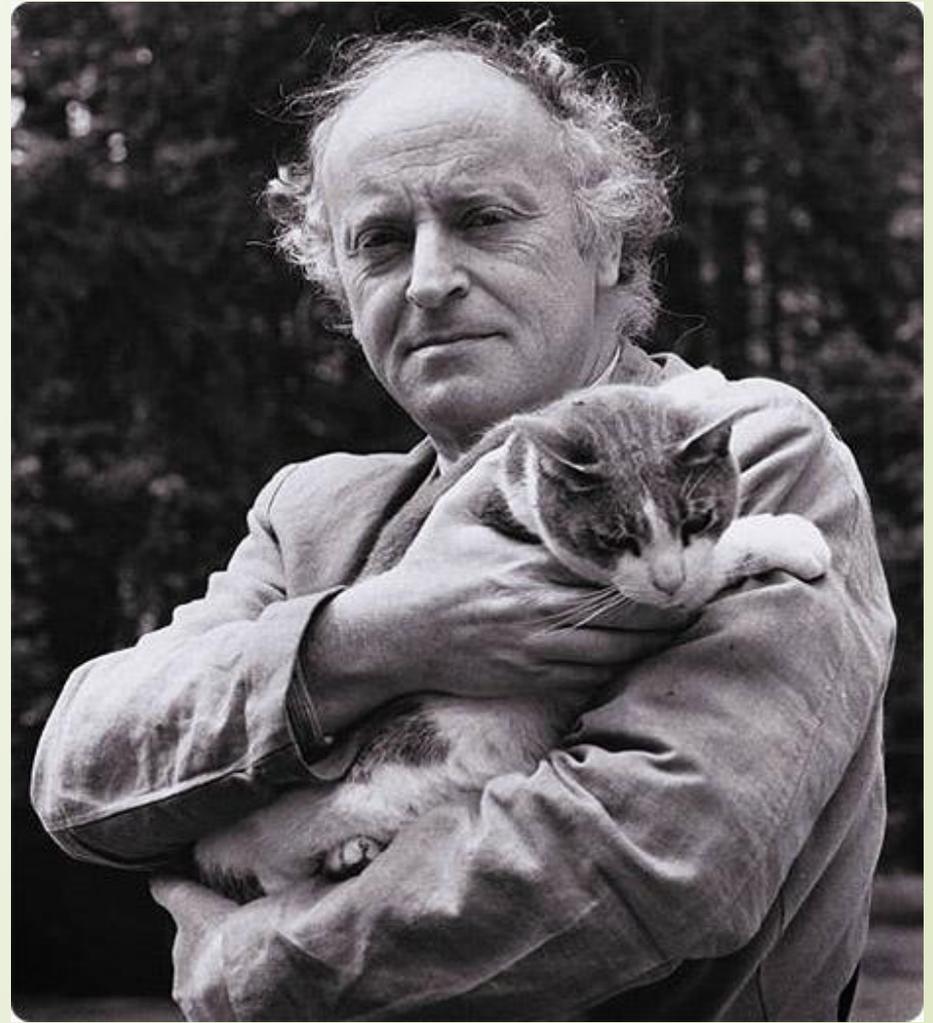
Философия государства, его этика, не говоря уже о его эстетике - всегда "вчера";

язык, литература - всегда "сегодня" и часто - особенно в случае ортодоксальности той или иной системы - даже и "завтра".

Одна из заслуг литературы, по мнению Бродского, и состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе

подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным названием "жертвы истории". Искусство вообще и литература в частности тем и замечательно, тем и отличается от жизни, что всегда бежит повторения. В обыденной жизни вы можете рассказать один и тот же анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душой общества. В искусстве подобная форма поведения именуется "**клише**".

Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятие "хорошо" и "плохо" – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории "добра" и "зла". В этике не "все позволено" потому, что в эстетике не "все позволено", потому что количество цветов в спектре ограничено. Несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, тянущийся к нему, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор **эстетический**, а не нравственный.

Эстетический выбор всегда индивидуален, как считал Бродский. А эстетическое переживание - всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения. Ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее - хотя, возможно, и не счастливее.

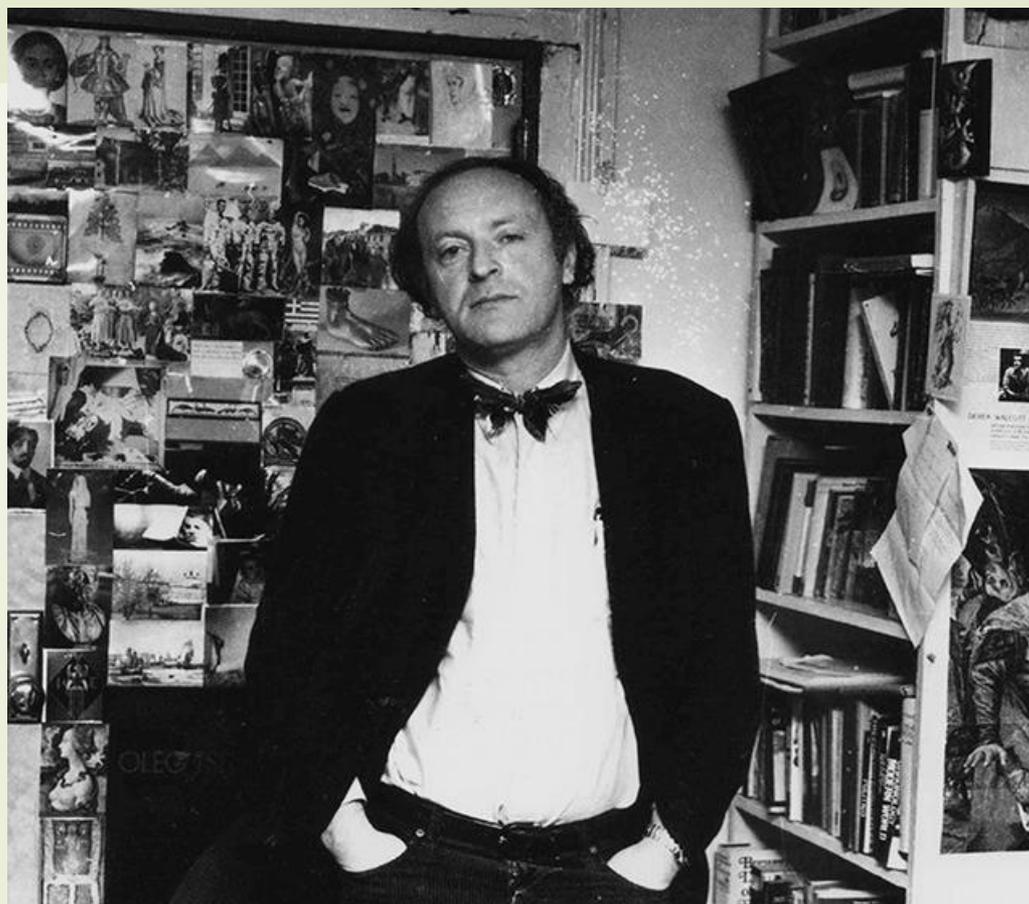

Подразделение людей на интеллигенцию и всех остальных представляется Бродскому неприемлемым. В нравственном отношении подразделение это подобно *подразделению общества на богатых и нищих*; но, если для существования социального неравенства еще мыслимы какие-то чисто физические, материальные обоснования, для неравенства интеллектуального они *немыслимы*.

Существование литературы подразумевает существование на уровне литературы - и не только нравственно, но и лексически. Если музыкальное произведение еще оставляет человеку возможность выбора между пассивной ролью слушателя и активной исполнителя, произведение литературы – искусства семантического - обрекает его на роль только исполнителя.

«В этой роли человеку выступать, мне кажется, следовало бы чаще, чем в какой-либо иной. Более того, мне кажется, что роль эта в результате популяционного взрыва и связанной с ним все возрастающей атомизацией общества, т. е. со все возрастающей изоляцией индивидуума, становится всеболее неизбежной.»

Бродскому кажется, что в качестве собеседника книга более надежна, чем приятель или возлюбленная.

Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем – разговор крайне частный, исключаящий всех остальных. И в момент этого разговора писатель равен читателю, как впрочем, и наоборот, независимо от того, великий он писатель или нет.

Равенство это - равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, к стати или не к стати, определяет поведение индивидуума.

Положение, при котором искусство вообще и литература в частности является достоянием (прерогативой) меньшинства, представляется ему нездоровым и угрожающим.

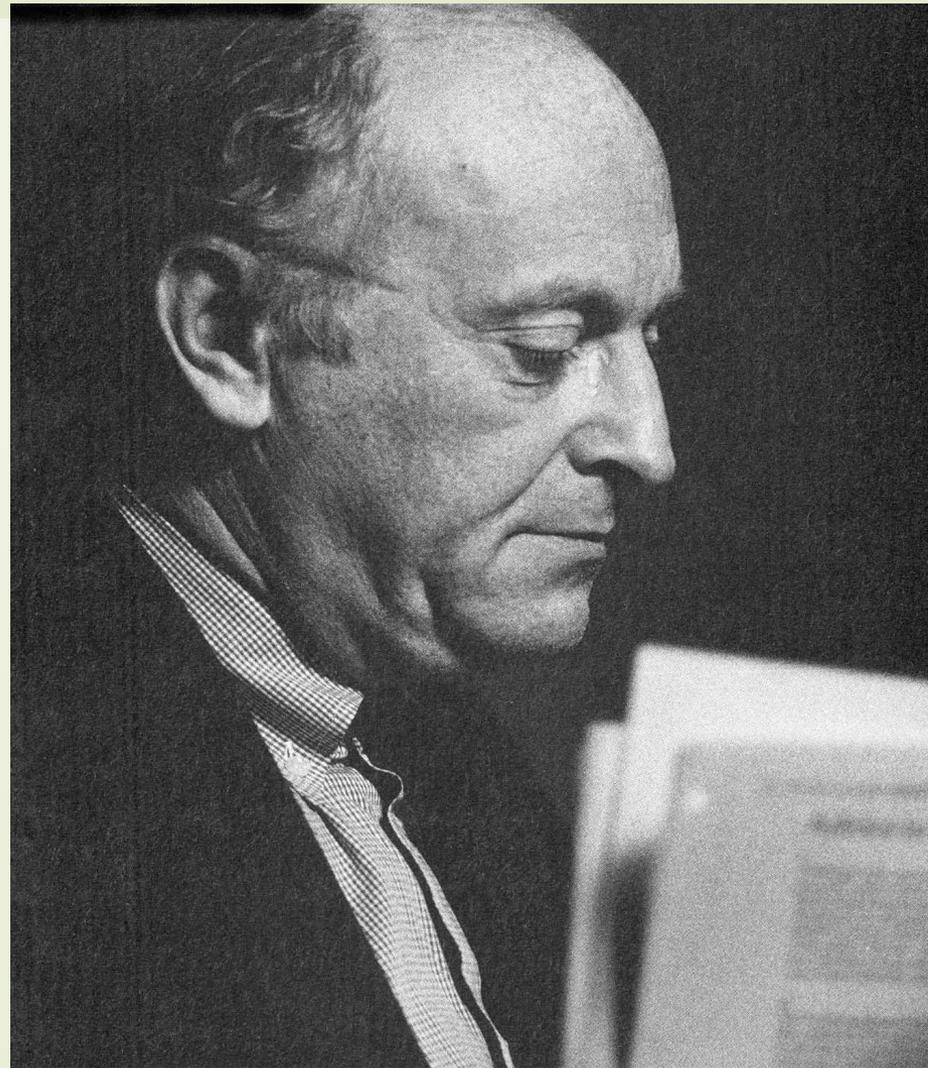
Иосиф Александрович не призывает к замене государства библиотекой - хотя мысль эта неоднократно его посещала -- но он не сомневается, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не основании их политических программ, на земле было бы меньше горя.

Бродскому думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому.

Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надежным противоядием от каких бы то ни было - известных и будущих - попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования.

Как система нравственного страхования литература куда более эффективна, нежели та или иная система верований или философская доктрина.

*«Потому что не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое - **пренебрежение книгами, их нечтение.** За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация - она платит за это своей историей. я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего.»*

Бродский говорит именно о чтении Диккенса, Стендаля, Достоевского, Флобера, Бальзака, Мелвилла и т.д., т.е. художественной литературы, а не о книг грамотности или об образовании.

Бродский подчеркивает заслуги своего поколения перед мировой культурой. Они заключались в том, что во времена правления Сталина (а значит функционирования концлагерей, бесконечного числа ссылок интеллигенции и вообще угнетения советской культуры) современники Бродского продолжали творить и именно они помогли прекратить разрастание культурных могил Сталинского архипелага.

«Оглядываясь назад, я могу сказать, что мы начинали на пустом - точнее, на пугающем своей опустошенностью месте, и что скорей интуитивно, чем сознательно, мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм и тропов».

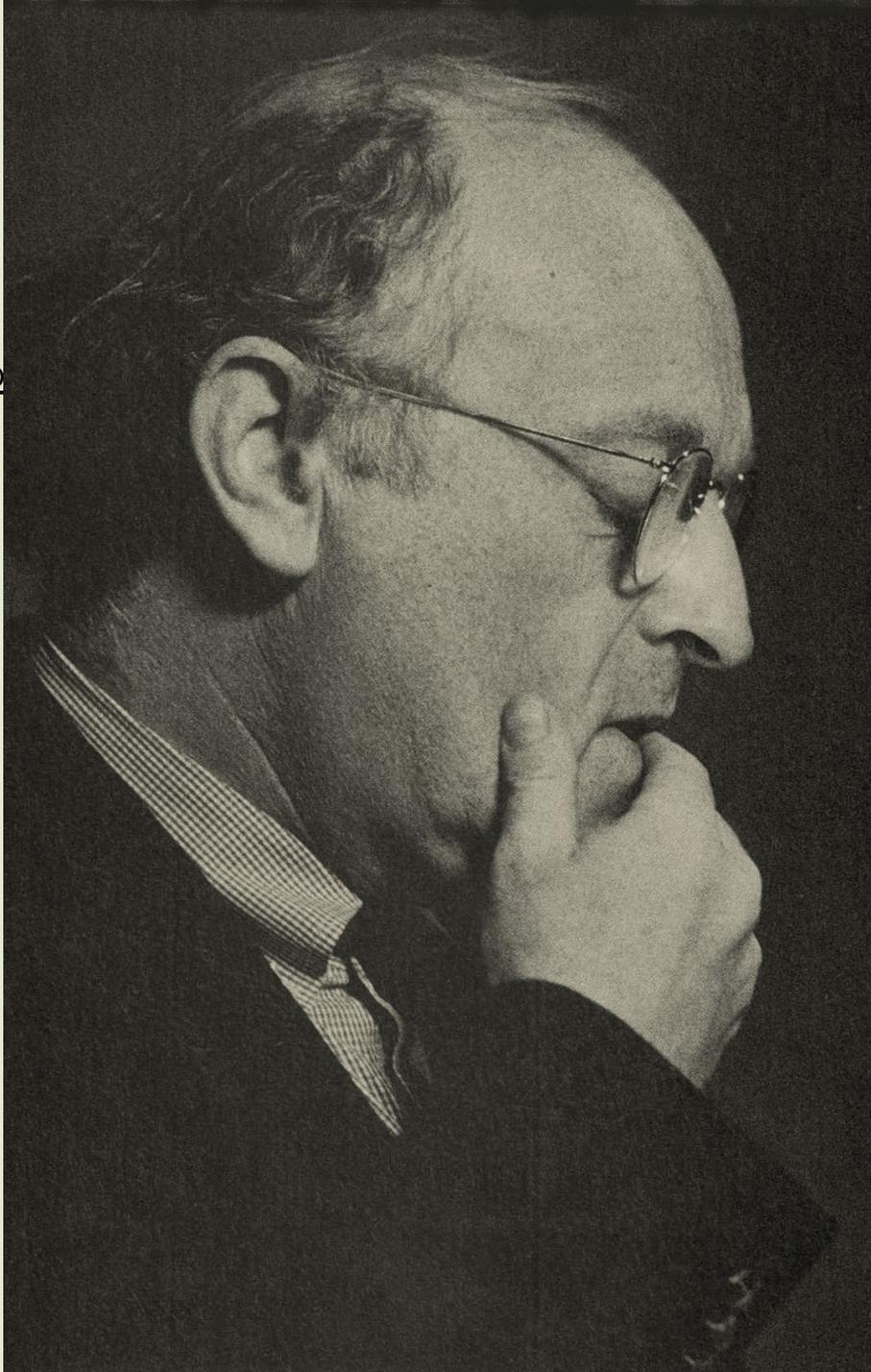
Он также обосновывает достижения своего поколения тем, что из двух путей – деформации и восстановления – они выбрали эстетический, то есть путь воссоздания.

Рассуждая о поэзии, Бродский отмечает, что поэт является средством языка к продолжению своего существования. Независимо от соображений, по которым человек берется за перо, и независимо от эффекта, производимого тем, что выходит из под его пера, немедленное последствие этого предприятия - ощущение немедленного впадения в зависимость от языка, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено.

Он говорил, что "Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации".

Поэт, как правило, не знает, чем кончится стихотворение, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее.

Бродский выделяет три метода познания:

- аналитический,
- интуитивный
- метод откровения.

Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя, ибо все три даны в языке.

Порой с помощью одного слова, пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение - колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя.

Именно человека, находящегося в подобной зависимости от языка, Бродский и называет поэтом.

Источники:

- Иосиф Бродский. Нобелевская лекция

Спасибо за внимание!